

Андрей Платонов о русской государственной идее: повесть «Город Градов»

Мне страшно назвать даже имя ее
Свирепое имя Родины
Владимир Луговской

Андрей Платонов сегодня является одним из самых цитируемых писателей в отечественной литературе по философии и культурологии. Это обусловлено самим его художественным методом, воплощающим идеал умно-сердечного созерцания, когда слово-образ становится средством исследования и постижения не только социальной реальности, но и самих фундаментальных принципов бытия. В произведениях А. Платонова мы имеем пример осуществления «логики эйдоса», развиваемой в работах А. Ф. Лосева по философии имени. В образах Платонова явлена конкретность и индивидуальность общего, при этом они выступают в роли своеобразных формул, позволяющих отобразить сущность трудно определимых текучих явлений, большей частью остающихся за пределами светлого поля сознания человека. Одной из таких формул является знаменитое платоновское выражение «вещество существования».

Метод Платонова позволяет осуществить качественный анализ сложнейших социальных ситуаций, не поддающихся исследованию при помощи дискурсивных, логических методов. Результатом такого анализа выступает не только обобщение прошлого, описание настоящего, но и прогнозирование будущего, которое поражает точностью и зоркостью оценок. Характерным примером в данном отношении является повесть «Город Градов».

Эта повесть принадлежит к ранним произведениям Платонова. Она написана в начале 1927 года в Тамбове, куда Платонов был направлен для работы в должности подотделом мелиорации губернского земельного управления. Содержание повести несет отпечаток тамбовских впечатлений писателя. Фабула ее небогата и сводится к следующему. Московского чиновника Ивана Федотовича Шмакова направляют для ответственной административной работы в губернский город Градов. Шмаков сталкивается здесь с многочисленными служебными упущениями. Он пытается сначала что-то изменить, но затем вращается в местную среду и привыкает к Градову. При этом Шмаков работает над трудом «Записки государственного человека», призванным обосновать необходимость бюрократии как основы строительства Советского государства. Спокойное существование градовских чиновников нарушается неожиданным обстоятельством — решением Москвы упразднить Градовскую губернию. Шмаков включается в борьбу за сохранение губернии, но борьба эта заканчивается ничем. Губернию упраздняют, а Шмаков становится «уполномоченным сельсовета по грунтовым дорогам». Через год он умирает «от истощения на большом социально-философском труде»: «Принципы обезличения человека с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно упорядоченными поступками на каждый миг бытия».

Под оболочкой злободневной сатиры на бюрократию Платонов являет нам здесь исследование природы русского государства, обладающее огромной объясняющей силой и проливающее свет на многие социальные и политические реалии современной России.

Само название повести «Город Градов» представляет собой несколько замаскированную тавтологию: *Градов* образовано от *град* — синонима русского слова *город*. В данном случае

возникает ассоциация с перифрастическим наименованием Рима, который называли «город городов». В изображении Платонова город Градов предстает как символический образ русского государства, стремящегося подчинить себе все сферы индивидуального существования людей, максимально ограничить возможности личной свободы и самовыражения. Герой повести Шмаков пишет в своем труде:

«Я тайно веду свой труд. Но когда-нибудь он сделается мировым юридическим сочинением, а именно: я говорю, чиновник и прочее всякое должностное лицо — это ценнейший агент социалистической истории, это живая шпала под рельсами в социализм».

Метафорическая перифраза «живая шпала под рельсами в социализм» носит двусмысленный характер, не осознаваемый рассказчиком-Шмаковым, но явный для читателя. В памяти всплывает:

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Железная дорога, обозначаемая в повести еще и как «пути сообщения», становится у Платонова символом государства, люди ложатся, подобно шпалам, в его основание. Большое значение для понимания главной мысли повести имеет фраза:

«Проезжие люди жили так, как будто они ехали по чужой планете, а не по отечественной стране, каждый ел укромкой и соседу пищи не давал, но все-таки люди жались друг к другу, ища защиты на страшных путях сообщения».

Предложение это насыщено плеоназмами (они подчеркнуты в тексте), передающими идею повторения, возвращения, движения по кругу (та же идея выражена и в тавтологичном по своей форме заглавии «Город Градов»). Кроме того, данная фраза заключает в себе намеренное смысловое и эмоциональное противоречие: «отечественная страна» воспринимается как «чужая планета», люди страшатся «путей сообщения» и, одновременно, ищут на них защиты. В данном случае Платонов раскрывает антиномичность природы русского государства: защищая людей от внешних опасностей, оно одновременно подавляет и уничтожает личность человека, и это противоречие можно рассматривать в качестве источника центростремительных и центробежных сил в истории России.

Официальные бумаги, канцелярский язык воспринимаются героями Платонова как носители и источники высшей мудрости, истины и силы.¹ Градовские чиновники наслаждаются «графами и терминами государственного языка» и «множат письменные документы», вдохновляются сознанием, что они «множат порядок, гармонию в нелепом неустойчивом мире». Развернутое обоснование культа официального документа, канцелярской бумаги дает Иван Федотович Шмаков в своих «Записках»:

«Нам нужно, чтобы человек стал святым и нравственным, потому что иначе ему деться некуда. Всюду должны быть документ и надлежащий общий порядок.

Бумага лишь символ жизни, но она и тень истины, а не хамская выдумка чиновника».

Характеризуя канцелярскую бумагу как «тень истины» (т. е. отражение, проекцию истины), Шмаков придает ей статус откровения, священных скрижалей. Истина же, в понимании

¹ Это касается и героев других произведений Платонова конца 20-х годов. Ср.: «Больше всего Пиюся пугался канцелярий и написанных бумаг — при виде их он сразу, бывало, смолкал и, мрачно ослабевал всем телом, чувствовал могущество черной магии магии и письменности» («Чевенгур»); «Вощев, опершись о гробы спиной, глядел с телеги вверх — на звездное содрогание и в мертвую массовую муть млечного пути. Он ожидал, когда же там будет вынесена резолюция о прекращении вечности времени, об искуплении томительности жизни» («Котлован»).

героев Платонова, заключается в идее всемирной государственности. Шмаков мечтает, что его записки «сделаются мировым юридическим сочинением» и предполагает переименовать свой труд, дав ему название «Советизация как начало гармонизации вселенной». Шмаков мысленно называет своих сослуживцев «тружениками на ниве всемирной государственности». Бормотов же в речи перед подчиненными заявляет: «Мне бы царем быть на всемирной территории».

За всеми этими кажущимися нелепыми и комическими оборотами и высказываниями проступает некий глубоко укоренившийся в русском сознании образ. Это образ государства, венчающего мировую историю Москвы — Третьего Рима. Данная смысловая линия в окончательном варианте «Города Градова» скрыта в подтексте, однако в первоначальной редакции повести она была развернута со всей возможной открытостью и полнотой. Трактат Шмакова в этой редакции содержит, в частности, следующий фрагмент:

«Ленин — это новый Иван Калита, с той разницей, что тот собирал княжеские клочья безмасштабной московской Руси, а Ленин собирает клочья всего растрепанного империалистического мира; но сложить эти клочья можно в единственно возможную сумму — социализм. Но сбор клочков мира, потрескавшегося от капитализма, допустим лишь путем образцовой государственности.

Настала поэтому эпоха великой мировой большевистской государственности, перед которой и Рим и Александр Македонский ничто, и уездные исправники тоже».

Шмаков выступает здесь наследником старца псковского Елеазарова монастыря Филофея, который в своих посланиях к великим князьям Василию III, а затем Ивану III наиболее ясно и сильно выразил идею о вселенской роли русского царства. «Внимай Господа ради, — обращается Филофей к великому князю Василию III, — яко вся христианския царства снисходящая в твое царство; посем чаем царства, ему же несть конца... яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти...»

Социалистическая утопия предстает логическим продолжением древнерусской утопии строительства града Божия на земле. Идеолог градовской бюрократии Шмаков размышляет: «Не пора ли ему отправиться в глухой скит, чтобы дальше не скорбеть над болящим миром? Но так будет бессовестно».

Итак, город Градов — это символ российского государства, существование которого протекает в круге одних и тех же противоречий; главным из которых является противоречие между претензией на мировое значение и лидерство и реальной возможностью эту претензию осуществить: в том случае, когда государство претендует на роль высшей ценности в жизни человека, становится кумиром, оно превращается из средства защиты и объединения людей в средство их разобщения и уничтожения и, в силу этого, само оказывается под угрозой распада, ухода с исторической арены. Эта идея повести Платонова перекликается с тезисом его младшего современника Варлама Шаламова, сформулированным в виде риторического вопроса:

«Разве уничтожение человека с помощью государства — не главный вопрос нашего времени, нашей морали, вошедшей в психологию каждой семьи?»

Идеи Платонова и Шаламова не утратили своей актуальности и сегодня, когда уничтожение человека с помощью государства, принимая новые формы, продолжает определять нашу мораль и психологию.